

Цена 5 коп.

ПРОКУРАТУРА

ИНСТИТУТ УСОБЕРШЕНСТВОВАНИЯ
СЛЕДСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ

ПРОКУРАТУРА стар

ИНСТИТУТ УСОБЕРШЕНСТВОВАНИЯ
СЛЕДСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ

А.А. Андреева

ЗНАЧЕНИЕ
УСТАНОВЛЕНИЯ
СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ
ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

*Женская
асс. ц. и. и.*

ЛЕНИНГРАД · 1980

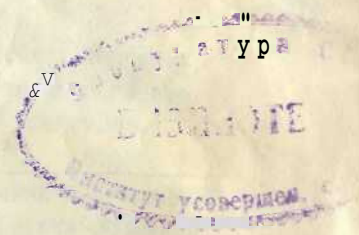
Прокуратура СССР

Институт усовершенствования следственных работников

Л. А. Андреева

Значение установления субъективной стороны
для квалификации преступлений против личности

Конспект лекции

Ленинград

1980

Андреева

Рецензенты:

Прокурор организационно-методического
отдела Следственного управления
Прокуратуры СССР

И.Я.КЛИЗЕР

доктор юридических наук

В.П.КАСАТКИН

Редактор Н.В.Бибикова

Подписано к печати 12.05.80. Объем I печ. л. М-15139
Тираж 500 экз. Заказ № 215 Пена 5 коп.

Ротапринт Института усовершенствования следственных работников.
Ленинград, Литейный пр., 44.

План лекции

1. Значение доказанности направленности и содержания умысла для квалификации преступлений против личности.
2. Отграничение покушения на убийство от причинения умышленных телесных повреждений.
3. Отграничение покушения на убийство от угрозы убийством.
4. Отграничение причинения умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего за собой смерть потерпевшего, от умышленного и неосторожного убийств.

I

Изучение уголовных дел об убийствах и причинениях телесных повреждений показывает, что в следственной практике нередко еще ошибки в оценке субъективной стороны совершенного преступления, которые влекут затем неверную квалификацию содеянного, а повторенные судом - приводят к неправильному определению меры наказания, вида исправительно-трудовых колоний и другие правовые последствия. По тем же причинам возвращаются дела и на дополнительное расследование. Следовательно, собирая доказательства по делу, с самого начала расследования преступления должен стремиться установить и субъективное отношение подозреваемого, обвиняемого к совершенному деянию, поскольку это необходимый элемент состава преступления.

На практике же нередко бывает так, что следователь в процессе собирания доказательств факта преступления не уделяет должного внимания обстоятельствам, раскрывающим содержание вины и способствующим установлению конкретного ее вида, а обращается к этому вопросу только без необходимого анализа добытых доказательств, только при составлении обвинительного заключения, в результате чего целый ряд важных моментов субъективной стороны преступления, содержания умысла оказывается не выясненным неполно, и квалификация преступления в таких случаях основывается исключительно на позиции обвиняемого.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. "О **судебной практике** по делам об умышленном убийстве" сказано, что, решая вопрос о содержании и **направленности** умысла виновного, следует исходить из **совокупности** всех **обстоятельств** совершения преступления, **учитывая** * з частности, способы и орудия преступления, количество, характер и локализацию ранений, причины прекращения преступных действий виновного, его **предшествующее** поведение и взаимоотношения с потерпевшим. Для **того**, чтобы **целенаправленно** собирать **показания** и **дать им правильную оценку**, **следует четко** знать признаки субъективной **стороны** каждого состава преступлений **этой категории**.

При **установлении** косвенного умысла к возможной смерти, **когда** преступник предвидел и допускал возможность смертельного исхода, но не желал **его**, а лишь **сознательно допускал, квалифицировать** содеянное следует по **фактическим последствиям**.

Пример. Казаков был осужден за покушение на убийство Анюкова. По делу установлено: Казаков, Которого Друзья предупредили, что к нему "объясняться" пришел Анюков и другие ребята, зашел в дом, взял ружье, и, войдя на веранду, произвел выстрел в Анюкова, находящегося в это время на противоположной стороне улицы. Выстрелом Анюкову

причинены тяжкие телесные повреждения.

ного ранения, и, поскольку он, тем не менее, совершил такие действия, следует признать, что причинение смерти охватывалось как его предвидением, так и желанием". (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1965, № 6, с. 35-36).

Аналогичный ход рассуждений, обосновывающий прямой умысел преступника на лишение жизни потерпевшего, имеется и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу Мартвелашивили: "... Мартвелашивили наносил удары потерпевшим армейским ножом, имеющим длину лезвия 15 см.; орудием, которое заведомо для него могло служить средством совершения убийства. Заключение судебно-медицинского эксперта подтверждено, что удар Коневу был нанесен с большой силой в левую половину грудной клетки." (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1968, № 3, с. 12).

Таким образом, в случаях, когда отсутствуют иные доказательства, позволяющие судить о характере и направленности умысла преступника, следственные органы и суд, устанавливая субъективную сторону, исходят исключительно из характера его действия: если лицо сознавало, что наносит удар в жизненно важные центры, орудием, которым можно причинить смерть и т. соответствующей силой, то значит, что это лицо предвидело закономерность, неизбежность наступления смерти, а следовательно, и желало такого последствия, т.е. действовало с прямым умыслом на лишение жизни потерпевшего. Наступление смерти в таких случаях по независящим от преступника обстоятельствам: оказание медицинской помощи потерпевшему, непопадание в жертву и т.д. не препятствует квалификации содеянного как покушение на убийство.

Из приведенных соображений можно сделать и обратный вывод: если какого-либо из названных признаков нет, то при отсутствии иных доказательств считать доказанным прямой умысел на причинение смерти нельзя. Так, при нанесении ударов ножом, например, в бедро, плечо и иные не жизненно важные центры, обосновать прямой умысел на причинение смерти только способом действия не представляется возможным, поскольку такие ранения обычно не влекут смертельного исхода, т.е. смерть не является неизбежным их результатом, что осознают и преступники, нанося удары такого рода.

Противоречива следственная к судебная практика в отношении квалификации случаев умышленного причинения ножевых проникающих ранений брюшной полости. При отсутствии иных доказательств...

6

ленности умысла на лишение жизни причинение единичного проникающего ножевого ранения брюшной полости обычно квалифицируется по последствиям как умышленное тяжкое телесное повреждение, а не покушение на убийство, хотя такое ранение без медицинского вмешательства тоже ведет к смерти. Объяснить такую позицию практики можно тем, что у широкого круга людей, не осведомленных в вопросах анатомии, существует представление об опасности для жизни повреждений плечей и органов, расположенных в грудной клетке, а об опасности для жизни повреждений внутренних органов брюшной полости столь опровергнутого представления нет. Следовательно, такие лица не предвидят неизбежной смерти потерпевшего в результате содеянного деяния, а предвидят только возможность смертельного исхода, но не желают его, а только сознательно допускают, т.е. по отношению к смерти действуют с косвенным умыслом. И только в исключительных случаях при ранениях в брюшную полость появляется возможность по способу действия доказать прямой умысел на лишение жизни. Это относится к нанесению нескольких ударов с большой силой либо сильного удара таким оружием как киялка, солдатский нож, штык и т.д.

Затруднено доказывание по способу действия прямого умысла на лишение жизни, когда не представляется возможным установить силу удара. Поэтому при попытке нанести удар в жизненно важные центры оружием, которым можно причинить смерть, если этот удар отклонен или преступник промахнулся, при невозможности установить, какой силой удар он собирался нанести, квалифицировать содеянное как покушение на убийство оснований нет. Такие действия в зависимости от мотивов и обстоятельств, преследующих попытку нанести удар, могут квалифицироваться либо как хулиганство с попыткой применения, например, ножа, либо как угроза убийством, выраженная в каком действии. Более того, в тех случаях, когда удар оружием, которым объективно можно убить, нанесен в жизненно важные центры, но, суда по результатам, с небольшой силой, тогда как ничто не препятствовало преступнику нанести более сильный удар, квалифицировать содеянное как покушение на убийство по способу действия оснований также недостаточно.

Пример. Илья поссорился на кухне со своей сожительницей Федоровой и на почве ревности нанес ей удар в область груди взятым со стола, кухонным ножом. Поскольку Федорова успела закрыть грудь рука-

7

ми, удар пришелся в кисть левой руки. При этом рана на руке оказалась **поверхностной**, относящейся к легким телесным повреждениям. Ильин отрицал умысел на убийство Федоровой, поясняя, что он хотел попутать, и ударить рассчитывал так, чтобы ранение было легким. Показания Ильина подтверждались тем, что ранение руки оказалось **поверхностным**, а следовательно, сила удара была **незначительной**, хотя по своим физическим возможностям и обстановке Ильин мог нанести и более **сильный** удар. При таких обстоятельствах считать доказанным прядай умысел на лишение жизни оснований не было.

Квалификация преступных действий как покушение на убийство может иметь место и в случае смерти потерпевшего, которой желал преступник, если смерть наступила вследствие иных непосредственных причин.

Пример. Иванов был осужден за **умышленное убийство** Ухова. Обстоятельства дела сводились к тому, что Иванов из **хулиганских побуждений** нанес Ухову удар ножом в левую часть грудной клетки. Доставленный в тяжелом состоянии в больницу Ухов после проведенной срочной операции скончался от вызванной принятием наркоза при операции асфиксии, наступившей вследствие **заполнения дыхательных путей рвотными массами**.

Пленум Верховного Суда СССР пришел к **выводу**, что при изложенных обстоятельствах действия Иванова следовало квалифицировать не как **оконченное убийство**, а как **покушение на убийство**, так как **непосредственной причиной гибели** Ухова явилась "**непредотвратимая случайность**" во время операции, а не само ранение. (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1961, № 4, с.9).

3

Как известно из закона, состав преступления образует только такая угроза, которая является реальной, т.е. в "момент ее осуществления" были основания опасаться, что преступник действительно убьет. Ведь угрожающий стремится сделать все так, чтобы поверили в его намерения убить, а поэтому угрожающие действия по своему объективному признаку могут не отличаться от действий при покушении на убийство. В таких случаях и возникают трудности в разграничении угрозы и покушения. Различия - в субъективной стороне. При покушении с

ределенные действия совершаются с целью убить. При угрозе - запугать, создать у потерпевшего впечатление, что его хотят лишить жизни. На самом деле при угрозе либо вовсе нет цели лишить жизни, либо угрожающий намерен привести угрозу в исполнение позже, не этими действиями.

Об отсутствии умысла на убийство при угрозе могут свидетельствовать следующие признаки: 1) неиспользование благоприятных условий для осуществления угрозы, 2) отступление перед препятствиями, которые можно легко преодолеть.

Пример. Во время ссоры с родственницей Волошин одной рукой схватил ее за плечо, а другой - занес над ее головой топор, заявив, что "изрубит пополам". Перепуганная женщина стала питься от Волошина, а он следовал за ней. Дойдя до дверей, женщина вышла. В этот момент Волошин с силой ударил топором по косяку двери над ее головой, после чего ушел из дома. Волошин показал, что убивать родственницу не собирался, а хотел ее попутать. Потерпевшая утверждала, что он хотел ее убить.

Что в данном случае было - отказ от повторения покушения на убийство (ушел, имея возможность продолжить) или угроза убийством, выраженная и в словах и в действиях? Для обоснования прямого умысла на лишение жизни данных недостаточно. Сами по себе действия (удар по косяку в непосредственной близости от головы) еще не свидетельствуют с бесспорностью о наличии желания лишить родственницу жизни, а последующее отступление при наличии возможности продолжить преступные действия еще более убеждает в том, что прямой умысел на убийство не вытекает из обстоятельств происшествия, умысел же на запугивание вполне доказан.

Значит, если совершенные преступником действия не привели к смерти, но есть все основания по характеру этих действий считать, что желание убить имело место (например, осечка при выстреле в голову), то это покушение на убийство, даже если повторения и не последовало. Если же по характеру совершенных действий невозможно доказать цель лишить потерпевшего жизни, а других доказательств направленности умысла не добыто, то ответственность может наступить за угрозу убийством. Поскольку факт запугивания лишением жизни вытекает из совершенных действий.

4

Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего, отличается от умышленного убийства тоже по субъективной стороне.

Как умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, квалифицируется преступление в том случае, когда имеет место умысел (прямой или косвенный) на причинение тяжких телесных повреждений к неосторожная вина в причинении смерти.

Таким образом, для правильного применения этой статьи необходимо установить субъективное отношение преступника к двум последствиям его действий: тяжкому телесному повреждению и смерти.

При умышленном убийстве имеет место прямой или косвенный умысел на причинение смерти потерпевшему.

На практике особенно трудно возникает разграничение убийства, совершенного с косвенным умыслом, и умышленного телесного повреждения, относящегося к разряду опасных по признаку опасности для жизни в момент причинения, приведшего затем к смерти.

При решении вопроса о том, предвидел и допускал преступник смерть потерпевшего, причиняя ему тяжкое телесное повреждение, или нет, хотя при данных обстоятельствах должен был и Г.ЮР, следует руководствоваться всей совокупностью добытых по делу доказательств, оцениваемых и с учетом житейских представлений людей о причинных связях.

Иногда считают: раз преступник предвидел, что его действия могут привести к опасным для жизни телесным повреждениям, значит, он допускал и смертельный исход, а, следовательно, при наступлении смерти содеянное является убийством с косвенным умыслом.

Однако это не всегда так. В момент причинения телесных повреждений преступник может действовать с неосознанным умыслом: предвидеть и допускать наряду с другими причинение опасных для жизни телесных повреждений. Но он предвидит и допускает однородные последствия, смерть же является качественно иным последствием, а поэтому может не охватываться предвидением в момент совершения.

На неосторожную вину в причинении смерти в этих составах прямо указано в ч.2 ст.105 УК РСФСР и в ч.1 ст.105 УК Азербайджанской ССР.

нения преступления.

Между причинением опасности для жизни и фактической смерти возможен разрыв.

Основываясь именно на китайских понятиях, судебная практика исходит из того, что при умышленном, сознательном нанесении проникающего ранения колюще-режущими предметами в части тела, не относящиеся к числу жизненно важных центров (плече, бедро и т.д.) преступник обычно предвидит и допускает возможность причинения вреда, а в том числе и тяжкого телесного повреждения, но, как правило, не предвидит возможности наступления смерти, хотя есть все основания считать, что при более глубоком обдумывании своих действий он должен был и мог это предвидеть, ибо любое проникающее ранение может вызвать неопределяемые последствия, в том числе и смертельный исход.

Пример. Верховным Судом Дагестанской АССР Арсланмурзаев к Идрисов были осуждены по п. "б" ст.102 УК РСФСР за убийство из хулиганских побуждений. Они напали на Нагиева, повалили его на землю, к Идрисов наносил потерпевшему удары кулаками, а Арсланмурзаев - палкой. Затем Арсланмурзаев нанес два удара ножом потерпевшему Нагиеву в правое бедро и ягодицу. Нагиев а тот на день скончался от полученных телесных повреждений.

Президиум Верховного Суда РСФСР приговор изменил, указав, что в данном случае вывод о наличии умысла на лишение жизни в действиях Арсланмурзаева основан по существу лишь на факте наступления смерти и сделан без учета всех конкретных обстоятельств дела.

Нанесение ножевых ударов не в жизненно важные органы человека (область ног), которые, как правило, не влекут гибели потерпевшего, подтверждает достоверность показаний Арсланмурзаева об отсутствии у него умысла на убийство. Действия Арсланмурзаева свидетельствуют об умысле на причинение телесных повреждений, ответственность за которые должна определяться с учетом фактически причиненного тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть. (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1976, № 6, с.10).

Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения со смертельным исходом имеет место и тогда, когда наносятся умышленно удары в жизненно важные центры, но не с такой силой, которая позволяет говорить о том, что предвиделась и допускалась смерть.

Верховным Судом Башкирской АССР Галельшин был осужден за умыш-

ленное убийство из хулиганских побуждений Негомедзянова, которому нанес два удара кулаком в лицо, после чего наступила смерть.

Президиум Верховного Суда РСФСР изменил приговор, переквалифицировал действия Гадельшина на ч. 2 ст. 108 УК РСФСР (умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть) по тем основаниям, что умысел Гадельшина на убийство Негомедзянова не доказан, и его показания о том, что он не предвидел смертельного исхода, не опровергнута.

По заключению судебно-медицинского эксперта смерть Негомедзянова наступила от удара в область носа, в результате чего имел место перелом костей носа и кровоизлияние под оболочки и в желудочки мозга. Указанное повреждение мог причинить ударом кулака любой человек, не знающий специальных приемов.

Свидетели подтверждали, что Гадельшин был удивлен, узнав о смерти Негомедзянова (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1976, № 7, с. 4).

На практике нередко допускаются ошибки и обратного плана: убийство, совершенное с косвенным умыслом, квалифицируется как умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть.

Пример. Сорокин нанес Тихонову удар кулаком в лицо, от которого Тихонов упал на пол. Подбежав к упавшему Тихонову, Сорокин и присоединившийся к нему Денисов стали избивать его ногами, обувью и кирзовые сапоги, нанося с большой силой удары по груди, шее и верхней части груди. После этого Сорокин и Денисов вынесли Тихонова на улицу и бросили на снег, а сами ушли. Смерть наступила в результате совокупности нанесенных повреждений в область шеи и головы, в частности, множественных переломов позвоночника, повреждения носовой перегородки, которые привели к закрытию дыхательных путей.

Пленум Верховного Суда СССР указал следующее: характер избивания свидетельствовал о том, что Денисов и Сорокин допускали смерть потерпевшего, т.е. они совершили убийство с косвенным умыслом. Тот факт, что осужденные вынесли потерпевшего после случившегося на улицу, не исключает умысла на лишение жизни. Данное обстоятельство может свидетельствовать лишь об отсутствии прямого умысла на убийство и о том, что они сомневались в конечном результате своих преступных действий. (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1968, № 3, с. 22).

Поведение преступника после совершения действий, приведших к смерти, так же как и его предшествующее поведение, безусловно, должно учитываться при выяснении субъективного отношения к содеянному, однако делать вывод об отсутствии умысла на убийство главным образом на основе действий виновного после совершения преступления нельзя. Оказание преступником жертве избивания помощи, прекращение избивания при наличии объективной возможности продолжать его далеко не всегда свидетельствуют о том, что преступник не допускал возможности наступления смерти в процессе совершения преступных действий. Его психическое отношение к преступлению может измениться уже после того, как совершены все действия, приведшие затем к смерти, в результате наступившей психофизиологической разрядки, появившейся боязни за содеянное, стремления смягчить свою вину.

Иногда на практике при разграничении умышленного убийства и тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, исходят из разрыва во времени между тяжкими телесными повреждениями и смертью.

Такой подход к решению вопроса неправилен: время наступления смерти для квалификации преступления значения не имеет. Разрыв во времени между причинением телесных повреждений и смертью может объясняться силой организма потерпевшего, оказанием или не оказанием медицинской помощи, т.е. целым рядом обстоятельств, которые не зависят от преступника и не меняют характера его вины.

Так, Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР в определении по делу Егунова отметила, что наступление смерти потерпевшего по истечении нескольких дней после причинения телесных повреждений само по себе, без других обстоятельств, не может свидетельствовать об отсутствии у виновного умысла на убийство потерпевшего. (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1966, № 9, с. 8).

По делу Кудинова Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР не согласилась с приговором Саратовского областного суда, который обосновал квалификацию содеянного Кудиновым по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР ссылкой на то, что смерть потерпевшего наступила через продолжительное время - семь недель. Судебная коллегия подчеркнула, что причиной смерти потерпевшего явилось проникающее ножовое ранение червяком и что при таком характере ранения суду следовало более глубоко выяснить обстоятельства, связанные со смертью, и после этого ре-

шить вопрос о том, предвидел ли виновный такое последствие своих действий, и, если будет доказано, что он предвидел причинение смерти, его действия квалифицировать как умышленное убийство. (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 10, с. 6).

Так как в большинстве случаев смерти предшествуют тяжкие телесные повреждения, отграничить умышленное тяжкое телесное повреждение со смертельным исходом от неосторожного убийства бывает нередко затруднительно. Правильно квалифицировать в таких случаях опять-таки можно только при глубоком анализе субъективного отношения виновного к содеянному.

Решая вопрос об отграничении данных составов преступлений, следует иметь в виду, что преступное действие при неосторожном убийстве может быть совершено и сознательно: какие-то телесные повреждения преступник при этом предвидит и желает либо сознательно допускает.

При отграничении неосторожного убийства от преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РСФСР, следует выяснять как далеко простиралось предвидение преступника в отношении последствий его действий.

Пример. Руссов был признан виновным в умышленном причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть. Он во время ссоры нанес гражданину Сиренко два удара рукой справа и слева в челюсть. Отчего тот упал и скончался.

Пленум Верховного Суда СССР указал по этому делу следующее: для обвинения в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 108 УК РСФСР, необходимо установить, что виновный, совершая противоправные действия, имел умысел на причинение тяжких телесных повреждений, т.е. предвидел такие последствия своих действий и желал либо сознательно допускал их.

Обстоятельства же данного дела свидетельствуют, что умысел Руссова, когда он наносил удары по лицу Сиренко, не входило причинение каких-либо опасных для жизни повреждений. Из заключения судебно-медицинской экспертизы не усматривается, что Руссов удары наносил с большой силой. Смерть Сиренко наступила в результате сотрясения и кровоизлияния под оболочки в желудочки мозга.

Оценивая обстановку происшествия, поведение Руссова до и после нанесения ударов (он очень испугался, узнав о смерти Сиренко),

Пленум признал, что Руссов не предвидел возможности тяжких последствий своих действий.

Вместе с тем, нанося удары по лицу (голове) потерпевшему, Руссов хотя и не предвидел, но должен был и мог предвидеть и такие последствия, которые фактически наступили, а поэтому Пленум переквалифицировал содеянное Руссовым на неосторожное убийство. (Бюллетень Верховного Суда СССР, № 4, 1971, с. 19).

Таким образом, при неосторожном убийстве не только преступное действие (например, удар) но и вызванные им и предшествующие смерти промежуточные последствия (телесные повреждения) могут быть учинены умышленно, т.е. лицо их предвидит в качестве возможных последствий своего действия. Однако предвидение ограничивается такими последствиями, как легкие или менее тяжкие телесные повреждения. При доказанности того, что лицо предвидело и допускало возможность причинения и тяжкого телесного повреждения, фактически предшествующего смерти, которую виновный не предвидел, но должен был и мог предвидеть, содеянное подпадает под признаки ч. 2 ст. 108 УК РСФСР.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что если при умышленности действия тяжкое телесное повреждение, за которым последовала смерть, явилось результатом не непосредственно первоначального действия, например удара, а дальнейшего развития причинной связи (падение, ушиб о мостовую и т.д.), то при отсутствии иных доказательств того, что возможно было тяжкого телесного повреждения лицом предвиделась и допускалась, следует считать: как смерть, так и тяжкое телесное повреждение лицо не предвидело, а только должно было и могло предвидеть, т.е. действовало неосторожно в отношении этих двух последствий, а следовательно, совершило неосторожное убийство.

Представляет интерес вопрос о квалификации неосторожного лишения жизни в случае, когда смерти предшествовало умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения путем мучения. Истязания, или если виновным являлся особо опасный рецидивист.

Поскольку при таких обстоятельствах умышленно причиненный результат - менее тяжкое телесное повреждение - является более тяжким преступлением, чем неосторожное убийство, но вместе с тем это преступление (ч. 2 ст. 109 УК РСФСР) смерть в качестве последствия не предусматривает, квалифицировать содеянное следует по совокупности ст. ст. 109 ч. 2 и 106 УК РСФСР.

Рекомендуемая литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. "О судебной практике по делам об **умышленных убийствах**", п.5 - Бюллетень Верховного Суда СССР, 1975, № 5.
2. Курс Советского уголовного права, том 5, М., 1971.
3. Курс Советского **уголовного** права, том 3, Л., 1973 г.
4. Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни. М., 1977.
5. Лубовец П.А. Ответственность за телесные повреждения по советскому **уголовному** праву, М., 1964.
6. Бурданова В.С., Филиппов А.П. Расследование телесных повреждений. Л., 1973 (раздел 1).
7. Загородников А.И. Преступления против здоровья. М., 1969.
8. Андреева Л.А. Причинная связь в свете судебной практики. - Советская юстиция, 1967, № 18.
9. Андреева Л.А. О характере предвидения при **умышленной вине**. В кн.: Вопросы совершенствования предварительного следствия, вып.1, Л., 1971.
10. Петрунев В. Ответственность за угрозу. - Советская юстиция, 1970, * 19.
11. Чхеидзе А. Разграничение **умышленного** тяжкого телесного повреждения и покушения на убийство. - Социалистическая законность, 1972, № 4.
12. Филиппов А.П. Отграничение тяжких телесных повреждений от **умышленного убийства**. - Социалистическая законность, 1974, № 10.
13. Юшков Ю. Отграничение тяжкого **телесного повреждения**, повлекшего смерть потерпевшего, от смежных составов. - Советская юстиция, 1974, № 22.
14. Андреева Л.А. Разграничение составов преступлений **умышленного убийства** и **умышленного** тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего. - Социалистическая законность, 1979, * 5.